

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

© 1995 г., ЭО, № 3

К. Нурмурадов

ОБ ИШАНИЗМЕ У ТУРКМЕН

Мистическое мусульманское течение *суфизм* к XIX — началу XX в. проявлялось в Туркменистане, как и во всей Средней Азии, преимущественно в форме *ишанизма*. Для него характерно отсутствие философско-богословских идей суфизма; его содержание составляет слепая вера в святость наставника (*ишан*, *шейх*, *пир*), способного удержать верующего на правильном, предписанном религией пути и таким образом обеспечить ему рай.

В Туркменистане ишанизм имел свою специфику, связанную с особенностями образа жизни туркмен. Она до сих пор изучена крайне слабо. Внимание исследователей в основном привлекали выродившиеся формы суфизма, например обряд *зикр* у групп *ата* и *магтым*, который потерял смысл суфийского радения и по существу являлся шаманским камланием¹. Между тем ишанизм в туркменской среде существовал не только в крайне вульгаризированном виде. Туркменские ишаны принимали под свое начало послушников (*мюридов*), называемых по-туркменски *сопы*, наставляли их и поддерживали с ними предписанные традицией отношения. К сожалению, в нашей литературе совершенно отсутствует материал, который мог бы осветить взаимоотношения ишана и сопы, придававшие яркое своеобразие старому быту туркмен.

В настоящее время в результате разрушения прежних религиозных традиций в советский период многие связанные с ишанизмом обычаи ушли в прошлое. Верующие туркмены поклоняются могилам ишанов в надежде, что святые пиры помогут им, с почтением относятся к потомкам ишанов. Но верующих, которые являются мюридами (*сопы*) ишанов, сегодня в Туркменистане остались считанные единицы; это люди преклонного возраста. В связи с этим сведения, полученные в беседах с сопы, приобретают особую ценность. В основе статьи и лежит рассказ 70-летней Аксолтан, туркменки-теке, уроженки г. Бахардена Ашхабадской обл., которая была последовательно послушницей у пяти пиров (после смерти своего пира она искала другого, чтобы «вручить» ему руку и стать его сопы).

Женщина-мюридка — привычное явление для традиционного образа жизни народов Средней Азии; об этом уже есть некоторые сведения в литературе по этнографии узбеков². Аксолтан подробно сообщила о предписанных пиром правилах совершения молитвы и зикра (ритуального повторения имени бога). До сих пор этнографам-туркменоведам не случалось встретиться с людьми, которые были бы способны столь полно и достоверно рассказать о жизни мюриды, и воспоминания Аксолтан можно без преувеличения признать уникальным свидетельством. Моя беседа с Аксолтан состоялась в 1978 г. Работая над своими записями, я понял, что именно в таком виде, как ее рассказ, материал и должен быть предложен читателю.

Предоставим слово Аксолтан.

* * *

— Я стала совершать намаз, когда мне было 12 лет. Каждый год соблюдала и месячный пост. Меня выдали замуж за человека, который раньше учился в

медресе. Но он любил проводить время в кутежах, поэтому и намаз и пост соблюдал от случая к случаю. Мне же он никогда не мешал совершать намаз и соблюдать мусульманский пост. Однажды я спросила у мужа, положено ли в наше время давать *закят* и *хушур*³, потому что я знала о 40 предписаниях мусульманства⁴. И одно из них требовало от каждого мусульманина выплачивать *хушур* и *закят*. На мой вопрос муж ответил: «В наше время нельзя давать ни *хушура*, ни *закята*». Но я не была согласна с его ответом. И на следующий день я пошла к своему односельчанину, сопы Курбансахату. Вошла в дом, поздоровалась. Старик сидел на молитвенном коврике *намазлык* и перебирал четки. Видимо, он по голосу узнал, что я женщина. Не взглянув мне в лицо, он произнес: «В добром ли ты здравии? Женщины находятся в другой комнате. Проходи туда». Я же сказала, что мне там делать нечего и нужен мне именно он. Он ответил: «Если ты ко мне по делу, то прошу садиться». Я села на кошму и стала объяснять, что привело меня к нему. Я задала ему следующие вопросы.

1. Положено ли сейчас давать *закят* и *хушур* с поголовья скота и со стоимости женских украшений?

2. Когда человек умер, имеет ли право женщина пойти в дом, где находится тело покойного?

3. Когда хоронят человека, его родственники на кладбище раздают присутствующим деньги, куски материи и другие вещи. Правильно ли это?

Выслушав мои слова, он поднял голову и, взглянув мне в лицо, сказал: «Я не могу ответить на твои вопросы. Я завтра, в пятницу, еду на поклон к моему пиру — ишану Сейитмухаммеду в село Дурун, он ответит на эти вопросы, и я сообщу его ответы тебе». После этого разговора я вернулась домой. Через два дня я опять пошла к сопы Курбансахату. Он сообщил мне следующее: «Мой пир поручил мне привести тебя к нему домой. В следующую пятницу я опять поеду на поклон к моему пиру. Приходи в пятницу рано утром, и мы вместе отправимся к пиру». Ишан происходил из племени ших⁵.

В пятницу я взяла с собой шестилетнюю дочку и пошла к Курбансахату. Он был готов к отъезду и ждал меня. Он сел на осла, а мы с дочкой пошли пешком — вот так мы втроем отправились в Дурун. Это недалеко. Дурун находится в 5—6 км от Бахардена. В пути Курбансахат неоднократно предлагал нам сесть на осла, но мы с дочкой продолжали идти пешком. Так и дошли до Дуруна. Сопы Курбансахат вошел в дом пира первым, а мы следом за ним. Курбансахат встал перед пиром на колени и протянул руки для приветствия. Я с дочкой прошла в тот угол комнаты, где сидели женщины, и поздоровалась с каждой из них за руку. Жена пира и сопы Курбансахат кивком головы дали мне понять, чтобы я поздоровалась и с пиром. Я стала перед пиром и по мусульманскому обычаю обеими руками дотронулась до его запястья. В это время сопы Курбансахат стал рассказывать ишану, кто я такая. Пир был слепой. Он показал подле себя место, где я должна сесть; я села рядом с ним. Он справился о моем здоровье. Затем я стала задавать ему вопросы. Я спросила: «Положено ли в наше время давать *хушур* и *закят* со стоимости женских украшений?» Он ответил: «Если есть золотые и серебряные украшения, то с 20 золотников (*мысгал*)⁶ золотых украшений положено давать один золотник, с 400 золотников серебряных украшений — один золотник, с 40 голов скота — одно животное, с фруктов, пшеницы и ячменя — одну десятую часть. И это обязательно».

Ответив на мой первый вопрос, он сразу же осведомился, сколько мне лет. Я сообщила: 30 лет. Он сказал: «Дочь моя, если ты в таком возрасте, в наше время, боясь бога, задумываешься о подобных богоугодных делах, то я возьму тебя послушницей — сопы». Я возразила, что мне не под силу быть послушницей, что я еще молодая. При этом я заметила, что от волнения сильно вспотела. Я сказала, что хотя я и не сопы, но с детства регулярно совершаю пятикратную молитву, ежегодно соблюдаю пост (*ораз*) и знаю 40 предписаний мусульманства. Он в свою очередь спросил меня об этих 40 предписаниях, и я удовлетворила его своим ответом. Он опять предложил мне стать сопы. Тогда я сказала, что если будет от этого какая-то польза, если это принесет пользу моей вере, исламу, если мне это

под силу, то я стану сопы. Он спросил: «Дочь моя, если целое стадо овец погнать в степь без чабана, что будет с овцами?» Я ответила, что овец растерзают волки или раскрадут воры. Пир задал мне новый вопрос: «Если двери жилого помещения, в котором много добра, оставить открытыми, что случится?» Я ответила, что воры все растащут. Тогда пир пояснил: «Вот видишь, дочь моя, твои молитвы — это богатство в этом и в другом мирах. Если человек не будет искать защиты у пира и не станет при нем послушником, то его молитвы, подобно стаду овец без чабана и имуществу, оставленному без присмотра, будут добычей всяких воров и волков, т. е. шайтана и других нечистых сил. Шайтан и нечистые силы всегда стараются сделать пакости праведному человеку. Если ты будешь послушницей при пире, то пир твои моления будет защищать подобно тому, как чабан охраняет свое стадо и хозяин оберегает свой дом».

После этих слов воцарилась тишина. Потом пир спросил, какие у меня еще вопросы. Я спросила: «Когда человек умер, имеет ли право женщина пойти в его дом на похороны?» Он ответил: «Женщина может идти на похороны, но с условием, если она сможет заставить что-то есть и пить близких родственников умершего. Если она окажет помощь в их домашних делах и беззвучно прослезится, то все это будет богоугодным делом для обоих миров. Но идти туда с намерением собираться со всеми женщинами в одну комнату, причитать и громко оплакивать покойного, как делается у нас, туркмен, будет большим грехом»⁷.

Я задала другой вопрос: «Когда умирает близкий родственник или друг, можно ли принести в его дом материю или что-то еще для того, чтобы эти вещи раздали на кладбище присутствующим?» Пир на это ответил: «В подобных случаях нести в дом покойника то, что может пригодиться в хозяйстве семьи умершего, — полезное и богоугодное дело в этом и ином мирах». Потом я рассказала пиру о том, что временами плачу от желания увидеть пророка Хыдыра и пророка Мухаммеда. Рассказывая все это ему, я даже заплакала. Проявляя сострадание ко мне, пир тоже заплакал. И опять повторил, что мне необходимо стать сопы. На этом закончилась моя первая встреча с пиром.

Вернувшись домой, я сказала мужу, что буду сопы. Мой муж заметил: «Зачем тебе становиться сопы, ты и так давно сопы». «Нет, мне придется быть сопы при пире», — сказала я ему. Муж дал свое согласие. В тот день я пошла к Курбансахату и просила его поехать к пиру вместе со мною на следующей неделе, чтобы я тоже стала сопы.

Курбансахат-сопы просил меня, чтобы я в пятницу рано утром встала, дважды совершила молитву *намаз гусул*⁸ и после этого пришла к нему домой. Я сделала так, как сказал старик Курбансахат.

Мы с ним поехали к пиру. Мы поздоровались с пиром, как и в первый раз. Я приехала к нему с гостинцем (сейчас не помню, что именно я принесла). После взаимного приветствия пир спросил меня, с какой целью я приехала. Я ответила, что решила стать сопы. Пир сказал, что хочет выйти на улицу. Курбансахат быстро схватил хивинский кувшин с теплой водой, помог пиру выйти из помещения, потому что слепой пир без посторонней помощи не мог передвигаться в нужном направлении. На этот раз я чувствовала себя более уверенной, чем в первый раз. При первом посещении на мне были надеты украшения. А в этот раз все свои украшения я оставила дома, явилась к пиру в простой одежде.

Совершив омовение, пир вместе с Курбансахатом вошел в комнату, сел на свою подстилку и показал мне место напротив себя. Он имел привычку сидеть лицом в сторону Каабы. Мы сидели лицом к лицу, таково было желание самого пира. Пир спросил меня, с какого возраста я начала соблюдать намаз, и осведомился о моем здоровье. Я сказала, что совершаю намаз регулярно с двенадцатилетнего возраста, ежегодно соблюдаю пост и здоровье мое хорошее. Тогда пир посоветовал мне, начиная с сегодняшнего дня, ежедневно рано утром совершать *каза намаз*⁹ трех дней. Он посоветовал мне, чтобы я каждый день после каждого из пяти намазов повторяла слова *субхалналла* 33 раза, *алхамдулилла* — 33 раза и *аллагу экбер* — 34 раза¹⁰.

Пир сказал мне: «Если великий Аллах примет твои ежедневные *каза намаз*, это зачтется за те намазы, которые ты пропустила по какой-либо причине. В организме человека 414 вен. А то, что ты будешь повторять после каждого намаза, если великий Аллах одобрит, будет твоей добровольной жертвой (*садака*) для тех вен. Кроме того, каждый день перед началом утренней молитвы обязательно надо читать *гусул намаз*, состоящий из двух *ракатов*¹¹. Затем надо приступить к утренней молитве — *теджит намаз*, которая состоит из 12 *ракатов*. Эта молитва совершается следующим образом. Вначале объявляешь, что читаешь два *раката* молитвы. После первого *раката* надо читать один раз *элхем*, следом надо читать 12 раз *кулхивалла*, один раз кланяться, встать; после второго *раката* еще один раз читать *элхем*, следом читать 11 раз *кулхивалла*, опять кланяться, потом, сидя, прочитать *эттехейятин*¹² и встать. Этим завершаются первые два *раката* молитвы *теджит намаз*. И после этого надо снова объявить, что ты читаешь два *раката* молитвы. После первого *раката* читается один раз *элхем*, затем 10 раз *кулхивалла*. К следующему *ракаату* после молитвы *элхем* надо вновь прочитать *кулхивалла*, но уже 9 раз. Таким образом, при чтении намаза, состоящего из 12 *ракатов*, каждые два *раката* предваряются объявлением и постоянно уменьшается число произносимых молитв *кулхивалла*. К последнему, 12-му *ракаату*, к *элхему* добавляется лишь одна *кулхивалла*, и этим заканчивается *теджит намаз*. Кроме этого, тебе придется после утреннего намаза читать дополнительно *чираг намаз* (четыре *раката*), по завершении послеобеденного намаза — два *раката*, до предвечернего намаза — четыре *раката*, вслед за вечерним намазом (*оввабын-намаз*) — тоже четыре *раката*. Четыре *раката* всегда читай и после *суннет-намаза*, совершаемого перед сном. Эти четыре *раката* читаются в следующем порядке: сначала надо объявить, что читается молитва; к каждому *ракаату* добавляется одна молитва *элхем*; к первому *ракаату* после *элхема* добавляется четырехкратное, ко второму — трехкратное, к третьему — двухкратное, к четвертому — однократное произнесение молитвы *кулхивалла*. А два *раката*, прибавляемые к послеобеденному намазу (*ойлян-намаз*), также дополняются молитвами: после первого *раката* читается один раз *элхем* и два раза *кулхивалла*, после второго — один раз *элхем* и один раз *кулхивалла*».

По прочтении каждого намаза следует совершать *зикр*¹³ — чем больше, тем лучше. Пир объяснил мне, как делается *зикр*. Сидя в молитвенной позе, как бы читая молитву, надо про себя сказать *Алла* (*Аллах*), сосредоточив все внимание в левом боку, как бы произнося слово *Алла* в этой части тела. Потом это же слово нужно мысленно «произнести» в правом боку, затем — в центре диафрагмы (*кур-сак*, *кукрек*), потом — в верхней части левой груди, после этого — в верхней части правой груди и затем — в середине лба. И вновь повторить *Алла* тем же способом еще и еще раз, по возможности больше. Потому что каждый из *зикров* является сиянием (*нур*) и имеет свое название.

Название *зикра*, произносимого в левом боку, — *зикир галп*. Он сопровождается сиянием желтого цвета, это сияние Адама. Название *зикра* в правом боку — *зикир рух*, он обозначен сиянием красного цвета, это сияние пророка Ибрахима (Блбрайым). *Зикр*, повторяемый в диафрагме, — *зикир сыр*, здесь сияние белого цвета, это сияние пророка Мусы. *Зикр*, совершаемый в верхней части левой груди, — *зикир рух*, он озарен сиянием красного цвета, это сияние пророка Мухаммеда. Название *зикра* в верхней части правой груди — *зикир ханы*, здесь черное сияние, это сияние пророка Исы.

Самый последний, шестой *зикр*, произносимый посреди лба, называется *зикир солтан*, это сияние без цвета — сияние ангела Джебраила. Чем больше повторять *зикры*, тем больше будет благодати от Аллаха. Со временем приобретаешь способность ощущать, что то место, в котором ты произносишь слово Алла, даже колышется (*гымылйэр*).

После этого пир сказал, что он хочет дать мне благословение, и воздел руки к небу. И меня просил поднять руки и повторять за ним его слова. Пир говорил: «Бога считаем единым, пророка Мухаммеда считаем истинным, прошедших пиров

и Сейит ишана для себя считаем пирами, святых считаем для себя братьями, каемся в своих больших и малых грехах. *Ла илаха иллалла, Мухаммедуррасул-лылла*»¹⁴. Эти слова пир повторил трижды, и я за ним повторила их трижды. Потом пир произнес благословение: «Пусть твой путь будет счастливым, пусть Бог будет тебе товарищем, пусть *элхем* тебе будет другом, а *кулхивалла* — крепостью, аминь!» — и провел руками по лицу, сделав молитвенное движение. Мы все также провели руками по лицу. По просьбе пира его жена принесла два метра белой материи. Пир отдал ее мне, пояснив: «Возьми, эта белая материя для тебя будет головным платком. Мы, будучи тебе пиром, твою внешность сделаем белой (т. е. чистой — *агартдык*). А твою душу сделает чистой сам Аллах. Поздравляю с тем, что ты стала сопы». И опять пир провел руками по лицу. Мы, сказав «аминь», также провели руками по лицу. Курбансахат-сопы сделал мне знак, и я провела по лицу этой белой материей.

Пир дал мне такое наставление: «Моя сопы Аксолтан, я предписал тебе больше, чем некоторым другим моим сопы — мужчинам. Если Аллаху будет угодно, ты сможешь выполнить все мои задания. Я позволяю тебе в случае, если заболеешь, совершать *теджит намаз* из 8, 6, 4 или 2 *ракатов*. Позволяю и другие намазы сокращать. Но никогда нельзя пропускать намаз. Ночью, когда ты встанешь для намаза, если захочется тебе спать, безжалостно бей себя по лицу. В месяц поста *ораза* обязательно надо совершать *тараук намаз*. Порог женщины-сопы охраняет пир. Богоугодное дело для сопы — посещать пира в пятницу и понедельник. Всегда надо приходиться к пиру, совершив омовение. И во время месячных очищений женщина-сопы может навещать пира».

Вот так я и стала сопы. Это было в 1939 г. Начиная с того дня я каждую пятницу и понедельник приезжала в дом своего пира и помогала ему по хозяйству. Перед моим возвращением домой пир просил, чтобы я в следующий раз принесла ему тюбетейку из белой материи и белый халат. Бывали случаи, когда пир ничего не просил, но я всегда приносила ему подобные подарки. Потому что к пиру приходили многие люди на поклон. И пир каждому из них в качестве памятного подарка (*теперрик*) давал или тюбетейку, или халат, или белую рубашку.

Однажды жена пира заметила: «Сопы Аксолтан, ты и сопы Нурмурад — вы только двое худые по сравнению с другими послушниками». Наш пир вмешался в разговор и сказал: «Это признак благословения Бога. Они, боясь Бога, предаются аскетизму и поэтому худые».

В один из дней, когда я приехала к пиру на поклон, он сказал: «Моя сопы Аксолтан, если есть старухи или больные женщины, которые не могут сами приезжать ко мне, я позволяю тебе принимать их в послушницы от моего имени». Я посвятила в послушницы несколько женщин. Это делалось таким образом. От имени моего пира я просила женщину, которая хотела стать сопы, совершать намазы и *зикр*. Повторяя сказанные пиром слова, я от его имени давала ей благословение. А подарки, которые приносила женщина, ставшая сопы, я несла пиру. Подаренный же пиром *теперрик* я отдавала этой женщине.

До 1949 г. я служила у Сейит-ишана (т. е. Сейитмухаммед-ишана. — К. Н.). В 1949 г. он скончался. До 1956 г., как и при его жизни, я всегда приезжала к нему домой и помогала его детям. Каждую пятницу я ходила на кладбище, где похоронен наш пир, и, как при его жизни, с ним здоровалась и читала молитву. Я больше шести лет была «вдовой-сопы» (*дул сопы*) и не находила себе нового пира. В 1956 г. я случайно узнала, что в Ашхабадской тюрьме находится Азым-ишан. Я получила письменное разрешение на встречу с ним, и мы увиделись. Несчастный старик 25 лет сидел в тюрьме. Я ему рассказала, что я с 1949 г. «вдова-сопы», с того времени ищу себе пира и прошу его принять меня своей сопы.

Азым-ишан попросил меня прочесть намазы и *зикр*, которые я совершала с того дня, когда стала послушницей у Сейит-ишана. Я полностью повторила все это. Азым-ишан предписал мне продолжать читать намазы и *зикр*. Оказывается, Азым-ишан и мой первый пир, Сейитмухаммет-ишан, когда-то вместе учились в Хиве и получили благословение стать пирами. И он дал мне такое же благосло-

вение, какое я получила в свое время от Сейит-ишана. Азым-ишан поздравил меня и подарил маленький белый платочек, чтобы я им повязывала голову. Я этим платочком провела по лицу. И вот таким образом я второй раз стала сопы у пира. После этого я много раз приходила к нему и приносила передачи. Потом я от имени его родственников письменно обратилась к начальству, чтобы его освободили из тюрьмы. Как-то пир узнал, что я стараюсь его освободить и пишу заявления. Он остался недоволен моим поступком и сказал: «Я уже старый человек. Если умру в тюрьме, то буду мучеником (*шехит*)». Через год сбылось то, чего он хотел: он умер в тюрьме.

И еще несколько лет пришлось мне быть «вдовой-сопы». Я искала нового пира. Через несколько лет узнала, что в Ташаузской области живет Хакнепес-кары, он принимает послушников. Я поехала к нему, рассказала о своей жизни. Он меня принял, дал благословение. Просил продолжать совершать намазы, которые предписал мой прежний пир. У этого пира я была сопы около 10 лет, служила ему так же, как и своим прежним пирам. И этот пир скончался. Прошло немного времени, и я нашла в Ташаузской области нового пира по имени Нурджан-ахун и стала его послушницей. Он также поручил мне продолжать совершать, как и прежде, намазы и *зикр*. Через 4 года мне пришлось расстаться и с ним: пир умер. После этого я стала сопы у пира Рахымберди-ишана, жившего в тех краях, он был моим последним, пятым пиром. Я рассказала ему, какие молитвы мне предписывали читать прежние мои пиры. Рахымберди-ишан просил выполнять наставления прежних пиров и добавил свое: читая после утреннего намаза *чираг-намаз*, увеличить до 20 число молитв *кулхивалла*, произносимых вслед за молитвой *элхем* по окончании *чираг-намаза*.

Все мои пиры в свое время спрашивали, какую работу я умею делать. И соответственно этому они использовали меня на той работе, которую я могла выполнять.

Недавно умер и мой пятый пир. Но я теперь не ищу нового пира. Я сама уже старуха. Продолжаю выполнять наставления моего последнего пира. Иду на поклон к могилам моих пиров, которые находятся вблизи. А те могилы, которые расположены далеко, я посещаю раз в году.

* * *

Внутренний мир туркменской женщины до сих пор скудно отражен в этнографической литературе. Рассказ Аксолтан раскрывает перед нами известный каждой культуре, но достаточно редкий тип женщины, которая уже в молодости предпочла служение богу обычным семейным заботам. Аксолтан не принадлежала к числу тех женщин, для кого религиозная деятельность — единственный путь найти свое место в жизни. Она не была ни в чем ущербной. Напротив, в молодости Аксолтан была весьма привлекательной, и даже в старости сохранила следы былой красоты.

Я давно знаю Аксолтан. Мой отец был послушником у того же самого пира — Сейитмухаммед-ишана. По туркменским обычаям сопы одного пира считаются братьями (сестрами) или же братом и сестрой. Поэтому Аксолтан на правах сестры моего отца поддерживает дружеские отношения с нашей семьей еще с того времени, когда я был ребенком. Она и сейчас навещает нас, когда бывает в Нохуре (ее сын женился на девушке из Нохура), и мы заходим к ней, когда бываем в Бахардене. Ее жизнь хорошо известна мне, моим братьям и членам наших семей.

Аксолтан жила обычной жизнью туркменской женщины. Ее выдали замуж в возрасте 16 лет в 1924 или в 1925 г., она была единственной женой, стала матерью троих детей (две дочери, один сын). Из ее рассказа ясно, что духовная близость с мужем, работником торговой сети (контора «Заготмясо»), у нее не сложилась. Она откровенно осуждала его образ жизни. Однако вряд ли именно это обстоятельство предопределило ее религиозность. Для этого надо было иметь определенный склад души, и это хорошо понял ишан Сейитмухаммед, поручивший Аксолтан читать больше молитв, чем он предписывал мужчинам-сопы. Быть послушником

ишана (пира) нелегко. Это видно хотя бы из перечисленных Аксолтан молитв, которые ей следовало читать, тем более что она неграмотна и молитвы учила наизусть. Женщина-сопы прекращает интимные отношения с мужем. Аксолтан об этом не сказала, но в народе об этом знают. В селении Нохур Бахарденского р-на Ашхабадской обл. я слышал от стариков рассказы о людях, которые, «дав руку» ишану, скоро чувствовали, что им трудно быть сопы, и чистосердечно признавались в этом своему пиру; ишан освобождал их от обязанностей сопы.

Муж Аксолтан в годы войны пропал без вести на фронте. Другая женщина при таких обстоятельствах могла бы вновь выйти замуж, но Аксолтан думала не об этом. Избрав свой жизненный путь, она уверенно следовала к цели. В лице Аксолтан представлен тот тип женщины, который был известен и в русской среде под названием «монашка». Эти посвятившие себя служению Богу женщины жили в деревне и не уходили в монастырь.

Рассказ Аксолтан содержит интересные сведения о взаимоотношениях ишана и сопы. Наряду с другими данными, характеризующими религиозные верования туркмен, они помогают уточнить существующие в нашей литературе представления об особенностях ислама в Туркменистане. Конечно, сложная картина народного мировоззрения может быть представлена лишь на основе массового и разнообразного материала. В то же время в судьбах отдельных людей порой с удивительной яркостью проявляются общие особенности религиозных представлений народа в целом. Описанные в ряде публикаций архаические поверья туркмен, пережитки домусульманских традиций создавали впечатление, что в Туркменистане ислам был лишен ряда присущих ему черт. Еще дореволюционные авторы отзывались о туркменах как о «плохих мусульманах». Однако такое мнение основано на поверхностном знании туркменской действительности. Деятельность мусульманского духовенства была в Туркменистане достаточно эффективной.

Рассказ Аксолтан дополняет имеющиеся в литературе сведения о среднеазиатском суфизме. В отдельных работах уже были кратко изложены способы совершения зикра, близкие к тем, о которых сообщила Аксолтан; фактически это — приемы экзальтированного мистического созерцания, путь достижения экстаза, столь важного для обрядовой практики и суфизма, и различных других мистических учений. Так, в наставлениях, как следует готовить себя для вступления в орден дервишей Накшбандия, о предписанном наставником зикре говорится: «Необходимо научиться произносить [слово „Алла“] внутри себя, неслышно для других и так, чтобы повторение этого слова самому произносящему слышалось в месте *кальб*, в сердце — на два пальца ниже левого соска груди и на два пальца левее... Затем по указанию пира необходимо приступать к упражнению себя в произнесении имени Божия другим местом — *рух*, которое в теле человека расположено симметрично вышеуказанному месту *кальб*, т. е. на два пальца ниже и правее правого соска груди...» и т. д.¹⁵ Похожие сведения можно найти и в ряде других публикаций¹⁶, хотя на символику света, которая связана с концептуальным содержанием суфизма, там указаний нет. Привлекает внимание тот факт, что Аксолтан не говорит, к какому ответвлению (тарикату) суфизма принадлежал ее наставник. Мы можем предположить, что сам пир об этом знал. По мнению стариков-нохурцев, в Ахале утвердился тарикат Накшбандия; судя по особенностям зикра, пир, принявший к себе послушницей Аксолтан, следовал тарикату Накшбандия. При этом нельзя исключить также, что и для пира вопрос о тарикате не представлял интереса. О. А. Сухарева, хорошо знакомая с проблемами среднеазиатского суфизма, подчеркивала, что многие суфийские общины в Узбекистане не знали, какому тарикату они следуют¹⁷. Сосредоточение религиозных интересов в сфере ритуальной практики было характерно для суфизма, пережившего за последние одно-два столетия серьезную деградацию у туркмен и других народов Средней Азии.

Знание и правильное понимание роли суфизма в быту туркмен (и других среднеазиатских народов) имеет немаловажное практическое значение в свете быстро возрастающего общественно-политического влияния ислама в жизни региона.

¹ См.: *Иомудский К. Зыкыр* (священные игры у туркмен)//Туркменоведение. 1928. № 9; *его же. Зыкыр у туркмен Закаспийской области*//Изв. Туркестанского отдела РГО. Т. XVII. Ташкент, 1929; *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961; *Демидов С. М.* Туркменские овляды. Ашхабад, 1976; *его же.* Суфизм в Туркмении (эволюция и пережитки). Ашхабад, 1978; *Басилов В. Н.* О происхождении туркмен-ата (простонародные формы среднеазиатского суфизма)//Древние верования и обряды в Средней Азии. М., 1975; *его же.* Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов//Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.

² См., например: *Троицкая А. Л.* Лечение больных изгнанием злых духов кучурук среди оседлого населения Туркестана//Бюл. Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 10. Ташкент, 1925. С. 147.

³ Зякят — налог на имущество и доходы; одна из обязанностей мусульманина — отдавать его духовенству или бедным раз в год. Хушур (правильно ушр — арабск. десятин) — налог первоначально на продукты земледелия, позже — на торговцев. См.: *Ислам. Словарь атеиста.* М., 1988. С. 77—78, 222; *Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 179—187.

⁴ Обязательных предписаний мусульманина (*фарз*) насчитывается пять. Представление о 40 обязанностях, видимо, связано с широким бытованием издававшейся в дореволюционный период в Казани книги «Сорок вопросов» (*Кырк сואль*), разъясняющей основные положения веры.

⁵ Ших — одно из «священных» племен (почетных групп) туркмен. См.: *Атаев К.* Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов//Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. VII. Ашхабад, 1963; *Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М., 1970; *Демидов С. М.* Указ. раб.

⁶ Золотник (*мискаль*, туркм. *мысгал*) — мера веса, равная 4,25 г. См.: *Туркменско-русский словарь.* М., 1968. С. 465.

⁷ Шариат запрещает оплакивать умершего (см.: *Керимов Г. М.* Указ. раб. М., 1978. С. 55.) Однако древние народные традиции в этом случае оказались сильнее норм ислама: туркменские женщины громко оплакивали покойного. См., например: *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса//Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. VI. Ашхабад, 1962. С. 165.

⁸ *Гусул намаз* — молитва (намаз), состоящая из двух ракатов, совершаемая непосредственно после полного омовения (арабск. *гусль*).

⁹ *Каза намаз* — молитва (намаз), не совершенная вовремя и прочитанная после положенного срока.

¹⁰ *Субхан Алла* — арабск. «хвала Богу»; *альхам дуллила* — арабск. «слава Богу»; *Аллаху акбар* — арабск. «Бог велик». Эти слова в тексте приведены в туркменском произношении.

¹¹ *Ракат* — «цикл произносимых на арабском языке формул, а также молитвенных поз и движений, составляющий основу мусульманской молитвы» (*салат* или *намаз*). См.: *Ислам. Словарь атеиста.* С. 188. Намаз состоит из нескольких ракатов, т. е. одинаковых частей, число которых различно для намазов, совершаемых в разное время дня (до восхода солнца — 4 раката, в полдень — 10 ракатов, после полудня — 4 раката, после захода солнца — 5 ракатов, поздно вечером — 9 ракатов).

¹² Названия молитв даны в туркменском произношении. *Элхем* — 1-я сура Корана «Открывающая книгу» («Фатиха»), *Кулхивалла* — 112-я сура Корана «Очищение [веры]». Молитва эттехойятин — не из Корана.

¹³ *Зикр* (в туркменском произношении *зикир*, *зякыр* или *зыкыр*) — многократное повторение слов или словосочетаний, имеющих особое религиозное значение (в частности, качеств Бога или выражений типа «О Боже! О Он! О Всевостинный!» и т. д.). Зикр может совершаться молча и громко, в одиночестве или коллективно и обычно сопровождается определенными телодвижениями. См., например: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 323—325; *Сухарева О. А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1966. С. 50—53; *Троицкая А. Л.* Женский зикр в старом Ташкенте//Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л., 1928.

¹⁴ Мусульманский символ веры: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посланник Аллаха». Арабские слова этой формулы приведены в туркменском произношении.

¹⁵ *Лыкошин Н.* Перевод «Рисалья-и-гарикат»//Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. VII. Ташкент, 1899.

¹⁶ *Маллицкий Н. Г.* Сборник материалов по мусульманству. Спб., 1899; *Пантусов Н. Н.* Молитвенный сеанс ордена Джагри-Кадрие в Ташкенте//Зап. Западно-Сибирского отд. Императорского Русского Географического о-ва. Кн. X. Ташкент, 1888.

¹⁷ *Сухарева О. А.* Указ. раб. С. 32.

On Ishanism among the Turkmens

The article contains important information about ishanism, a mystical trend within Moslemism. Along with other data on religious beliefs of the Turkmens, this material adds to our knowledge of special features of Islam as it is practiced in Turkmenistan.

K. Nurmuradov